

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СТОРОНОЙ ОБВИНЕНИЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с исследованием доказательств в судебном следствии – центральной части судебного разбирательства. Сформулированы конкретные предложения, направленные на повышение качества участия прокуроров в судебном следствии в условиях состязательности при осуществлении начал гласности, устности и непосредственности исследования доказательств.

Один из постулатов принципа презумпции невиновности гласит: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Посему судебное следствие по праву признается центральной частью судебного разбирательства, поскольку именно в нем закладывается база будущего процессуального решения по делу. В условиях гласности, устности и непосредственности судебного разбирательства предполагается активное исследование сторонами представленных доказательств с целью убедить суд в истинности своих позиций. Отрадно, что в последнее время наметился отход от такой организации процесса, когда исход дела определялся материалами досудебной подготовки, когда суд еще до начала судебного разбирательства по ознакомлению с материалами уголовного дела, по сути, формировал в сознании приговор по делу, когда обвинитель не особо утруждая себя подготовкой к заседанию уповал на помощь суда в обвинении. Состязательный же процесс предъявляет новые требования как к суду, так и к сторонам.

Абсолютно правы А.С. Александров, А.Н. Стуликов в своем высказывании: «Надо, чтобы состязательность определяла практику судоговорения, технику судебного доказывания, сам взгляд на судебное доказательство» [1]. Действительно, судебное разбирательство характеризуется прежде всего активной позицией сторон, выражением которой является судоговорение. Результатом же судоговорения является судебная (конвенциональная, процессуальная) истина. «Судебную истину завоевывают, – пишут указанные авторы. – Она дается наиболее искусному в

речедейтельности, тому, кто умеет аргументировать и вызывать речью эмоции. Помни зачем Ты пришел в зал суда: вор, убийца, насильник должен сидеть в тюрьме. Эта старая истина должна быть доказана Тобой. Это есть Твоя Истина. Она должна придавать энергию Твоей речи и силу Твоим доказательствам. Никто, кроме Тебя, не сделает эту Истину Судебной Истиной» [2].

Исходя из сказанного, основной задачей, стоящей перед стороной обвинения в условиях современного уголовного судопроизводства, является, на наш взгляд, обеспечение требования справедливости в рамках состязательного процесса, который насыщен юридическими фикциями, презумпциями, стороны в отдельных случаях наделены правом заключать мировое соглашение (а обвиняемый и вообще заявлять ходатайство о постановлении приговора без исследования доказательств в порядке главы 40 УПК РФ), ходатайствовать об исключении доказательств по основаниям, предусмотренным в законе, и иным образом влиять на ход и результаты уголовного судопроизводства.

В юридической печати порой раздаются высказывания о невозможности стороны обвинения в условиях, закрепленных УПК РФ, решать возложенные на нее задачи. Думается, данный вывод по меньшей мере скоропостижен. Безусловно, закон в значительной мере изменил и процессуальное положение, и полномочия государственных органов и должностных лиц, выступающих на стороне обвинения, однако этот процесс закономерен и даже предопределен. Так, мы смеем рассматривать уже осуществленные преобразования как переходные в череде последующих. По этой причине выход из сложившейся ситуации видим в том, чтобы стороной

обвинения более эффективно использовались находящиеся в арсенале законные средства и способы реагирования.

Проблема качественного участия прокурора в судебном следствии обоснованно рассматривается сегодня как первоочередная в числе задач по совершенствованию государственного обвинения. Эффективность поддержания государственного обвинения прокурором, как ни банально, поставлена в прямую зависимость от качества подготовки к судебному разбирательству. В первую очередь прокурору следует тщательно продумать последовательность представления доказательств и составить план. Хотя в уголовно-процессуальном законодательстве нет прямых указаний на планирование судебного следствия и составление планов его проведения, такая необходимость продиктована потребностями практики рассмотрения уголовных дел. Планирование судебного следствия – важная гарантия полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела, а также необходимое условие того, чтобы своевременно, адекватно, грамотно и активно отреагировать на изменения в развитии событий.

Планирование позволяет наметить судебные действия, которые нужно провести для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, определяет их последовательность, устанавливает содержание и объем намеченных действий (что выяснить у свидетелей, какие задать вопросы и т. д.), определяет необходимость одновременного исследования нескольких доказательств (например, допрос свидетелей или подсудимого в сочетании с осмотром документа), а также позволяет решить ряд других вопросов, связанных с исследованием доказательств в ходе судебного следствия [3].

Как замечал П. Сергеич, живая основа процесса заключается в показаниях свидетелей и экспертов. В их словах загадка и загадка дела. Поэтому наиглавнейшая, почти единственная заслуга сторон в ведении судебного следствия состоит в умении вести допрос [4]. Показания как источник доказательств чаще всего составляют основу дока-

зательственной базы по делу. Судебная практика показывает, что при производстве по делу лжесвидетельство приобретает огромные масштабы. Деяния, охватываемые составом ст. 307 УК РФ, не только существенно затрудняют расследование (рассмотрение) уголовных дел, но и в целом могут привести к постановлению незаконного и несправедливого приговора. Практика показывает, что привлечение к ответственности виновных в лжесвидетельстве не стало нормой, между тем это, по сути, единственный способ обеспечить достоверность показаний свидетелей (потерпевших). Интересен в этой связи опыт, о котором пишет прокурор Московского района г. Нижнего Новгорода Н. Говорков: «...С начала 2004 г. прокуратура района стала реагировать на каждый факт лжесвидетельства. Организация работы построена следующим образом: государственные обвинители рапортом докладывают прокурору района о каждом факте установленного судом лжесвидетельства. Далее отслеживается момент вступления приговора в законную силу, и после этого рапорт направляется следователю для рассмотрения в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Следует иметь в виду, что преступными будут только те ложные показания, которые относятся к предмету доказывания и которые касаются существенных обстоятельств, т. е. могут повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора» [5]. Указанный вариант реагирования на факт лжесвидетельства предстает как единственно возможный законный способ обеспечить достоверность показаний, который, к сожалению, не получил распространения в правоприменительной практике.

Не менее часто имеет место факт изменения показаний участниками процесса, что отражается на тактике поддержания государственного обвинения по делу.

«Вступая в допрос в такой ситуации, – пишет И.А. Караван, – прокурор должен использовать сразу два тактических приема, которые тесно переплетаются. Один из них можно назвать «допущение легенды», а другой – «детализация показаний».

Первый состоит в том, что прокурор делает вид, будто верит ложным показаниям

(легенде) допрашиваемого, т. е. принимает, «допускает легенду». Обычно это выражается в одобряющих допрашиваемого репликах, просьбах продолжить рассказ. По завершении рассказа прокурор применяет второй прием – детализацию показаний. Проявляя к ним подчеркнутый интерес, он задает множество вопросов, направленных на уточнение и детализацию рассказа, причем, главным образом, его опорных положений, подкрепляющих ложную версию допрашиваемого.

Приемом детализации показаний прокурор тактически ставит лжеца в критическое положение: с одной стороны, тот не может заявить, что на детали «не обратил внимания», «не заметил» или «уже забыл» о них, так как понимает, что такими ответами он сразу подорвет доверие к своим новым показаниям. Если же он все-таки пойдет по этому пути, то после трех-четырех подобных ответов прокурор должен, обобщив их, открыто поставить под сомнение показания, а с ними – и версию допрашиваемого.

С другой стороны, лгущему негде взять реальные детали к придуманной версии. И тогда ему остается одно – на ходу изобретать их, приспособлять к теме показаний. Но это вынужденный и посему слабый ход противника. Именно в силу своей нереальности эти детали будут противоречить фактическим обстоятельствам преступления, а в силу поверхностного соотнесения с собственной ложной версией – и самой этой версией.

Важный момент при таком допросе – скорость, с которой прокурор задает вопросы. Практика показывает, что постепенное уменьшение временного интервала между вопросами приводит к тому, что изначально логические ответы начинают противоречить дальнейшим, полученным в более напряженном темпе допроса, т. е. у субъекта просто не хватает времени на продумывание и сопоставление ответов. В заключении рекомендуется уже в возросшем темпе повторить изначально заданные вопросы но в несколько иной форме. Практика показывает, что субъект, не успевая сориентироваться и не обладая уже изложенной информацией на подсознательном уровне, дает полностью противоположные ответы» [6].

Мы не случайно процитировали достаточно большую часть текста статьи, напоминающей в большей степени руководство по эксплуатации какого-либо прибора, продублированной практически дословно в другой статье автора [7]. Между тем заметим, что указанный алгоритм действий, сочетающий в себе использование приемов «допущение легенды» и «пресечение лжи», не является панацеей. В частности, предлагаемый автором алгоритм рассчитан в большей степени на то, что допрашиваемый не обладает высоким (и даже средним) интеллектуальным уровнем развития и не утруждал себя подготовкой к допросу. И вообще, попытка заранее выстроить алгоритм действий прокурора в строгом соответствии с указанными рекомендациями может обернуться негативными последствиями для стороны обвинения: тем, что допрашиваемый только упрочит ответами позиции ложной версии. Нет ничего хуже в судебном разбирательстве, чем неотступное следование шаблону без учета особенностей конкретной следственной (судебной) ситуации. Кроме того, рекомендации по использованию данных тактических приемов не новы в криминалистике, им отведена важная роль наряду с другими приемами, которые также достаточно эффективно могут быть применены в судебном следствии. Думается, дело в другом. Следует ставить вопрос не об использовании отдельных тактических приемов ведения допроса, а в целом, по выражению А.С. Александрова, А.Н. Стуликова, об искусстве ведения перекрестного допроса – самого изощренного, обоюдосопряженного и сложного из судебных допросов.

Учение о перекрестном допросе в советское время являлось предметом научных изысканий ограниченного количества авторов, среди которых следует выделить Л.Е. Ароцкера, И.Д. Перлова [8]. В нынешних условиях следует отдать должное тем авторам, которые рассматривают проблематику ведения перекрестного допроса применительно к сегодняшним реалиям, основываясь на трудах дореволюционных отечественных и зарубежных авторов.

Перекрестный допрос, безусловно, ориентирован на суд присяжных, но, полагаем,

применим и в общем порядке. А.С. Александров и А.Н. Стуликов пишут: «Перекрестный допрос лежит в основании судебного следствия. Это лучшее средство деконструкции судебных фактов, утверждаемых противоположной стороной и одновременно укрепления своего «дела». Перекрестный допрос – это умственный поединок обвинителя со свидетелем. И главный залог успеха в этом поединке – в знании дела и психологии» [9].

Особого внимания с точки зрения его оценки заслуживает заключение эксперта. Судебная практика свидетельствует, что заключения экспертов, имея важное доказательственное значение по делу, приобретают своеобразный ореол истинности, почему в ходе оценки доказательств заранее рассматриваются как достоверные и допустимые доказательства.

Между тем заключение эксперта подлежит оценке как со стороны соблюдения процессуального режима при назначении экспертизы, так и со стороны его содержания. Заключение рассматривается как процессуальный источник доказательства, на основе которого решается вопрос о достоверности и доказательственной роли сведений, о которых сообщает эксперт в своем заключении.

В процессуальной литературе отмечается, что оценка заключения эксперта включает в себя: «1) проверку соответствия выводов эксперта другим собранным по делу доказательствам; 2) анализ самого заключения эксперта, т. е. проверку научных положений, использованных экспертом, и всего хода экспертного исследования, а также установление того, вытекает ли логически заключение эксперта из указанных в нем научных положений и данных исследования» [10].

Оценка заключения эксперта предполагает критическое рассмотрение (следователем, судом) последовательно всех частей заключения, анализ которых позволяет сделать правильные выводы об обоснованности и доказательственном значении заключения в совокупности с другими материалами дела.

Вместе с тем следует со всей определенностью подчеркнуть, что несоответствие выводов заключения эксперта другим имеющимся доказательствам по уголовному

делу не всегда означает, что данное заключение недостоверно, и наоборот. Известны многочисленные случаи, когда проверка выводов заключения путем проведения дополнительных следственных действий позволяла убедиться в его истинности и более полно расследовать уголовное дело.

Приступая к оценке заключения эксперта, прежде всего следует проанализировать соблюдение требований процессуального порядка назначения и проведения судебной экспертизы. Особого внимания заслуживают следующие вопросы:

- вынесено постановление о назначении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела (в порядке ч. 4 ст. 146 УПК РФ) или после возбуждения уголовного дела (в порядке статьи 195 УПК РФ);

- имеется ли судебное решение при назначении судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы в случаях, когда есть необходимость поместить подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар;

- ознакомлены с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник и разъяснены ли права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, удостоверено ли это подписями в соответствующем протоколе;

- в случае назначения экспертизы в отношении потерпевшего (за исключением случаев, предусмотренных п. 2, 4, 5 ст. 196 УПК РФ), а также свидетеля имеются ли данные об их письменном согласии или согласии их законных представителей;

- удовлетворено ли ходатайство об отводе эксперта, если оно заявлено, или ходатайство о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении или конкретном экспертном учреждении, или о привлечении в качестве экспертов указанных обвиняемым лиц;

- удовлетворено ли ходатайство о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, если оно заявлялось;

- разрешено ли указанным участникам уголовного судопроизводства, при наличии

ходатайств, присутствовать при производстве судебной экспертизы и давать объяснения эксперту;

– разъяснены ли права и ответственность эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК РФ в случаях, когда судебная экспертиза проводится вне экспертного учреждения;

– получены ли образцы для сравнительного исследования в соответствии с требованиями ст. 202 УПК РФ.

Кроме того, следует рассмотреть, достаточно ли точно описана в протоколе процедура получения образцов, их вид, количество, способ получения, упаковка, содержание достоверительных записей и подписей. Обеспечивала ли упаковка сохранность образцов, не допускалась ли возможность их утраты, подмены или случайного загрязнения.

К вопросам соблюдения процессуального порядка следует отнести и такие:

– предоставлялись ли эксперту материалы уголовного дела, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

– удовлетворено ли ходатайство эксперта о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если оно заявлялось;

– удовлетворено ли ходатайство эксперта об участии в процессуальных действиях и разрешении задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы;

– на все ли поставленные вопросы даны ответы;

– не вышел ли эксперт в своем заключении за пределы своей компетенции [11].

Судебная экспертиза может быть проведена в суде, как по собственной инициативе суда, так и по ходатайству сторон. В этом случае анализ соблюдения процессуального порядка назначения и проведения экспертизы помимо вышеприведенного может быть сведен к следующему:

– было ли председательствующим предложено сторонам представить в письменном виде вопросы эксперту;

– оглашались ли сформулированные эксперту вопросы и заслушивались ли мнения участников судебного разбирательства;

– выносилось ли судом определение (постановление) об отклонении тех вопросов, которые не относятся к уголовному делу или компетенции эксперта (ст. 283 УПК РФ).

Несоблюдение регламентированного порядка проведения судебной экспертизы в судебном заседании может послужить основанием к отмене приговора.

Рекомендуется проанализировать допустимость объектов, исследовавшихся экспертом. С этой целью проверяется, соответствовал ли процессуальным требованиям порядок получения следователем объектов, подлежащих экспертному исследованию. В частности, не были ли нарушены процессуальные нормы в ходе проведения следственных действий, в ходе которых были получены подлежащие экспертному исследованию объекты. В тех случаях, когда объекты были представлены кем-либо из участников уголовного процесса или посторонними лицами, анализируется, была ли соблюдена процессуальная процедура признания их вещественными доказательствами или образцами для сравнительного исследования.

Практика свидетельствует, что при обнаружении процессуальных нарушений, возможные вещественные доказательства признаются недопустимыми. А это, в свою очередь, влечет и недопустимость экспертного заключения по результатам исследования этих объектов.

С.Л. Мельник в своей диссертации приводит следующий пример: при проведении обыска в служебном помещении гражданина А. в присутствии представителя администрации и двух понятых были обнаружены и изъяты две «стреляющие» авторучки и граната. Однако в протоколе обыска не было отмечено, что указанные предметы были упакованы и опечатаны. Эксперт же в своем заключении указал, что на исследование поступили в упакованном виде опечатанные две «стреляющие» ручки и граната, которые были признаны огнестрельным оружием.

В ходе предварительного слушания защитник заявил, что в кабинете гр. А. находились только макеты указанных предметов, которые в последствии, видимо, были подменены на настоящие. Это сомнение устра-

нить не удалось. По решению суда данные вещественные доказательства были исключены и вместе с ними утратило доказательственное значение заключение эксперта [12].

Как верно замечают А.М. Зинин, Н.П. Майлис, на допустимость объекта экспертного исследования влияет, помимо соблюдения правил его получения, также и надлежащее его хранение после изъятия. Оно должно исключать возможность подмены объекта, сомнения в его подлинности. Кроме того, надлежащее хранение объектов должно исключать их контактное взаимодействие. Такой вопрос может возникнуть после изъятия предметов одежды преступника и жертвы. Условия хранения этих предметов должны не

допускать их соприкосновения, т. к. иначе обнаруживаемые при исследовании взаимопереходящие волокна-наслоения могут объясняться нарушением условий хранения, а не только контактом одежды жертвы и преступника.

В случаях, когда факт раздельного хранения такого рода объектов вызывает сомнения, экспертное заключение может быть лишено доказательственного значения [13].

Таким образом, оценка доказательств стороной обвинения предстает многофакторной системой исследования представленных доказательств, определяющей результат судебного разбирательства, а посему требующей к себе сверхвнимания.

Список использованной литературы:

1. Александров, А.С., Стуликов, А.Н. Судебные доказательства и доказывание по уголовным делам: Курс лекций. – Н.Новгород, 2005. – С. 9.
2. Александров, А.С., Стуликов, А.Н. Указ. соч. – С. 53-54.
3. Селедкина, Н.А. Планирование судебного следствия // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 2. – С. 243-244.
4. Сергеич, П. Искусство речи на суде. – Тула, 1998.
5. Говорков, Н. Лжесвидетели // Законность. – 2005. – №1. – С. 33-34.
6. Караван, И. Поддержание государственного обвинения при изменении показаний участниками процесса // Законность. – 2005. – №5. – С. 18-19.
7. Караван, И.А. Особенности поддержания государственного обвинения в условиях существенного изменения показаний участниками процесса // Уголовный процесс. – 2005. – №6. – С. 37-38.
8. Ароцкер, Л.Е. Тактика и этика судебного допроса. – М., 1969.; Перлов, И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М., 1955.
9. Александров, А.С., Стуликов, А.Н. Судебные доказательства и доказывание по уголовным делам: Курс лекций. – Н.Новгород, 2005. – С. 162, 166.
10. Петрухин, И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1964. – С. 221.
11. Мельник, С.Л. Актуальные вопросы экспертной инициативы: Диссертация ... к.ю.н. – Челябинск, 2005. – С. 139-141.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – №8. – С. 10-11.
13. Зинин, А.М., Майлис, Н.П. Судебная экспертиза: Учебник. – М., 2002. – С. 189.